

Маргарита Шитова

НАШ ЗОВ

ПОЭЗИЯ

НАШ ЗОВ

Поэзия

Автор текстов:

Маргарита Александровна Шитова

Идейный вдохновитель:

Андрей Дмитриевич Козенко

Над сборником работали:

Ярослав Александрович Тибекин

Никита Викторович Картошкин

Юрий Олегович Давиденко

Евгений Николаевич Сичак

Наталья Игнатовна Яремчук

Иллюстрации:

 канал «Я вижу» @mydrawingdiary

Верстальщик:

Сергей Родин

г. Мелитополь

Запорожская область

Ноябрь 2023

Вместо предисловия

Мы слышим сегодня НАШ ZOV — продолжаем дело наших прадедов, дедов, отцов. Стоим в одном строю с теми, чьи портреты ежегодно несем 9 мая в рядах «Бессмертного полка», и пишем продолжение историй наших семей. Без малого год я живу и работаю в Запорожской области: в строю нашей крепкой команды, в ряды которой мне посчастливилось войти, в строю всего нашего региона — мы единым фронтом идем к нашей общей Победе.

Тогда, в 41-м: фронтовая история моей семьи

В маленькой подмосковной деревне Александровка, расположенной на опушке леса возле речки, которую в летнее время можно вброд перейти, среди прочих крестьянских семей жила и семья Титовых. До войны это были большие крепкие хозяйства. В семье Ефима Титова подрастали две дочери: Екатерина и Аграфена (моя прабабушка). Отделился и зажил отдельным домом старший сын Григорий. Младший Михаил собирался в армию. Евдоким только отслужил. Но грянула война, и оказались все деревенские парни в московском ополчении. Официальных документов на них родные так и не получили — только скудные вести от вернувшихся с фронта односельчан:

— Видел вашего Мишу в октябре 41-го. Мы шли в атаку, а его на носилках выносили с поля боя. Не жилец был — ранен в живот. Где видел? Под Москвой...

От Гриши же получили письмо: «Завтра в бой — отступать не собираемся...». Больше известий не было. Не отступил, видно, Григорий, остался на поле боя. Как остался его отец, брат Михаил и еще десятки односельчан. Из мужского рода Титовых с фронта вернулся только Евдоким, искалеченный, без правой руки и глаза, но живой. Деревня, в которой жили мои родные, сократилась наполовину.

Из семьи Исаевых на фронт ушли два двоюродных брата: Сергей и Николай. Оба вернулись с фронта. Вся деревня гордилась Николаем: еще бы — полный кавалер Орденов Славы. Он был контужен, трудно говорил, но в любую погоду носил гимнастерку, на которой были привинчены эти три ордена. К сожалению, я не знаю, какие подвиги совершил мой славный предок, за что получил награду, как мне сказали, равную званию Героя Советского Союза.

Вернулся домой и Сергей Тимофеевич Исаев (мой прадедуська). Он был ефрейтором артиллерийской разведки: передавал по радиации координаты военных объектов. Уже после войны он рассказывал, что Орден Красной Звезды получил за боевую операцию, когда целые сутки находился на чердаке дома, засеченном противником. Немцы вели по нему огонь, но прадедуська продолжал корректировать огонь батареи и не покинул боевой пост, пока не получил приказ возвращаться. Боевой путь прадедуськи начался в октябре 1941 года в Подмосковье и завершился в октябре 1945 года в Берлине. Домой он вернулся с медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», орденами Красного Знамени и Красной Звезды, Отечественной войны. Сергей Тимофеевич единственный в этой владимирской деревне, кто вернулся домой невредимым.

Сегодня

Все мы дети и внуки героев. И сегодня они живут в памяти, в семейных историях и альбомах, в трудных жизненных ситуациях. Они — наш пример и вектор. Разве могу я сдать здесь сейчас, если мой прадед не сдался тогда? Разве есть у меня моральное право его предать и опустить руки, когда в гораздо более сложных условиях их не опускал он? Гордится ли он, наблюдая за моей жизнью? Мы не были знакомы, но мой прадед всегда незримо рядом со мной. И сегодня мы идем к нашей общей Победе. Вместе.

★ ★ ★

Под молочной луной растянулась дорога. В потемках
Наш фургончик бежит в обретенную пристань — домой.
По прямой. Поворот. Ты скажи: если рвется, где тонко,
То когда мир насытится нашей повторной войной?

Зарастут желтоспелой пшеницей нарывы окопов
И исчезнут бетонные зубы с широких полей.
Растворится во снах необузданный грохот прилетов:
Перестанет на небо земля отправлять журавлей...

Лишь когда отстоим изначальное право — быть русским,
Оправдав воспитание мамы и слово отца.
Здесь не просто война. Здесь священная перезагрузка.
Не скрывая имен, не стыдясь и не пряча лица.

По стопам наших дедов и прадедов (мой был в пехоте)
Мы наследство — Победу и Русь — возродим. Сбережем.
В православной. Славянской. Российской. Защито породе
Защищать Русский Мир и священный отеческий дом.

24.08.23.

В воздухе вьются сомнения.
Тени бросают под лампами.
Свет фонарей без стеснения
Тянется желтыми лапами

К шапкам, лодыжкам и платьятам.
Ночь безнадежно засвечена.
Днями последними пятится
Мартовская переменчивость.

Холод сменился прохладой
И на бесснежные улицы
Желтые полосы падают.
Сердце волнуется.

Спасибо вам, мои непацифисты.
Все те, кто охраняют наш покой
Ценою сна, тепла, здоровья, жизни.
Простые сыновья моей Отчизны.
За то, что мы — за вашей спиной.

За то, что вы в бою нетолерантны:
С обидчиками боретесь за нас.
Что безопасность Родины — константа.
За Крым. И за Луганск. И за Донбасс.

За храбрые сердца и верность долгу.
За то, что не сдаёте нас врагу.
За то, что мы сейчас ночуем дома,
В своей стране, а не в чужом краю.

За то, что стойко при любой погоде
И в праздники, и в будни вы — в строю.
Что ж, пусть сегодня пацифисты в моде.
Защитники, я — вас благодарю.

★★★

Запястья тонкие. Браслеты-полосы
Рисует звездами слепая ночь.
Платком растрепанным укрою волосы:
Просить Всевышнего тебе помочь.

Тебе — закрытому на сотни пуговиц,
Глаза — распахнуты, душа — в замках.
На четках пальцами опять запутаюсь,
Молитвы-бусины сожму в руках.

Березы нежные полночи жмурятся,
Ветрами каются оземь — челом.
Стоит под окнами чужая улица,
За переправами — мой тихий дом.

Запястья тонкие луной подсвечены,
Нательным крестиком — полночный свет.
Порог намоленный уставлен свечками.
Господь, любимого храни от бед.

★ ★ ★

Лето запорожское. Поляною
Расстелились теплые луга.
Горьким ароматом, теплой пылью
Сонно укрываются стога.

Золотом наполненный подсолнух
К солнцу поднимает лепестки...
Лета чернозёмленной сонность
Разрывает грохот. У реки

Не сидеть. Сейчас небезопасно.
За рекой — бандеровская тьма.
Детство здесь наполнено не сказкой.
Детство здесь узнало, что война —

Это ждать отца под бой прилетов
И спускаться часто в погреба.
Низко пролетают самолеты,
Раскачав «приветом» взмах крыла.

Лето жарит белым солнцепеком.
Вот подсолнух полон — собирай.
Парень в серебристом самолете!
Каждому отцу российской роты
Крыльями слегка качни в полете:
От детей привет передавай.

24.08.23.

Обними меня, друг. До удушья, до хруста.
Словно в детстве меня обними: кто сильней?
Обними меня, друг. Приведи меня в чувства
После разных чужих и тяжелых людей.

Дай скорее уткнуться в родные объятия,
Где волненья житейские – все нипочём!
Я не буду ворчать, что помнешь моё платье,
Или нечем дышать, вжавшись носом в плечо.

Обними меня. Друг? Неужели не слышишь?
Или делаешь вид, засмотревшись в окно.
Дождь за ним барабанит по стареньким крышам,
Только нам не от низкого неба темно.

Небо рассыпалось, звезды на крыльях погон
Изредка блещут скупым рикошетом отсвета.
Я, словно в детстве, приманкой раскрыла ладонь,
Вспомнив, что издавна звезды мечтают об этом.

Падает, падает, вьётся, кружится, дрожит...
Ловко ложится на линии жизни и сердца.
Я отпускаю её по закону инерций,
Не обладая привычкой о чем-то просить.

И нам обеим легко: мы исследуем жизнь.
В разных её проявлениях и диапазонах.
Скромным желанием, не выбирая отчизн,
Мне хорошо на свободе, а ей – на погонах.

★ ★ ★

Ветер играет степью размашистой,
Волны идут.
На перепутье, но в безопасности
Строим редут.

Волны, как в море, ходят широкие,
Греют бока.
Взгляд ускользает сизыми строками
За облака.

Травы прибое дышат размеренно,
Небо шуршит.
Что будем делать в этом безвременьи?
Жить.

*

Город струится огненной патокой.
Искры бегут.
Осень браслетом вьется гранатовым.
Улицы – в жгут.

Здесь по бульварам ходят широкие
Волны людей.
Море другое: гулкое, горькое.
Частых потерь.

Ритмы подземки, такты шоссеиные
Дрожью в груди.
В том или этом море безвременья
Ты меня жди.

★ ★ ★

Всё закончилось пятничным вечером.
Журавли улетали на юг.
Тополя золочеными свечками
Догорали. Опущенных рук

Не держали ветра. И навьюченным
Город пал желтопалой листвой.
Отсыревшими грязными кучами
Осень ёжилась на мостовой.

Разливалось по улицам страшное.
Под чернильною дробью небес.
Эта жизнь удаётся не каждому.
Эта жизнь даётся не каждому.
Этой жизни даётся в обрез.

Волна за волной спешит,
Как утром в метро народ.
По дну поднебесья кит
Грозу на себе несет.

На сизой его спине
Зияет огромный шрам.
В нем прорва дождя, а вне —
Сжигает бока напалм.

Упругий напор воды
Бодает сырой песок.
Упрямым прибоем ты
Врезаешься в мой сапог.

Сапог у меня — кирза.
Солдатка солдату — песнь.
И в розни гремит гроза,
Грохочет с небес: «Азь — есмь!»

Мерцает на тучах свет
Церковным огнем свечи.
И если надежды нет,
Кричи. От души — кричи.

Защити меня. От меня.
Дай мне руку. Закрой руками.
Город плавит закат огнями.
В алой дымке его края.

Сбереги от дурного сна.
Сглаза, порчи и гончих мыслей.
От намерений ставить числа,
А не жизнь во главу угла.

От того, что назначу срок
Для того, чтобы стать счастливой.
От привычки спасаться дымом,
Протянувшимся между строк.

От недобрых чужих углов,
Мною выбранных по ошибке.
От фальшивой кривой улыбки
И обилия странных слов.

Защити меня. От меня.
От слепой семилетней вьюги.
Холод мира возьми на руки.
Не ругая и не кляня,

Защити меня. От меня.

★★★

О чем горит сегодня ночь?
Она твои скрывает мысли.
О чем шуршат сухие листья?
Их южный ветер гонит прочь.

О чем тиха твоя рука
И так задумчив взгляд на фото?
К чему осенняя погода
Так переменчиво-легка?

О чем теперь кленовый пульс
Дрожит стремительней и резче?
Асфальт, покрытый сетью трещин,
Его запоминает. Пусть

Я наизусть усвою час,
Твоим наполненный молчаньем.
И нет преграды между нами,
Когда весь мир звучит о нас.

★ ★ ★

В этом доме разбиты окна и крыши нет.
Здесь давно поселились чьи-то морские души,
Разливая на пол не джин или ром, а свет.
Слишком яркий и чистый, чтобы мечтать о суше.

Здесь обшарпаны доски разбитых-забытых рам,
И на стенах — обрывки старых газетных фото.
Тайны прошлых эпох слоняются по углам,
Не боясь, а надеясь, что их разгадает кто-то.

Здесь щетинится краска — наждачка осипших стен,
Разорвавших до трещин голос о рев прибоя.
Только дом, проржавевший от маковки до колен,
Не скулит, а по-прежнему жадно глядит на море.

Горела осень. В косы вьелся дым.
Мои ладони прятались в огне.
Сентябрь рвался в небо, а за ним —
Взлетали листья к тающей луне.

Меня вели сожженные мосты
Куда-то вглубь сомкнувшихся времен.
Непрочный пепел досок с высоты
Ронял шаги в пустой осенний сон.

Срывались в ночь листки календаря,
Хоть каждый росчерк памятью храним.
Горела осень, с ней пылала я,
Тугим багрянцем ускользая в дым.

Мне хорошо, что есть на свете ты.
Что в этот день и в это время года
Столкнулись мы под черным небосводом,
Перекрестив на миг свои пути.

Мы встретились одним военным днем...
Мы встретились одним усталым взглядом.
Без ярлыков, привязок к дням и датам,
Не думая о том, как жить потом.

Мне хорошо запомнить верность рук
И крепость плеч — туманную защиту,
Что называешь по-родному Ритой,
Родительский напоминая дом.

Мне хорошо найти в тебе слова:
Спокойствия и строгого укора,
Что быть не может ссоры или спора,
Что не болит от крика голова.

Мне хорошо, что мы не навсегда,
И что друг другу не должны ни йоты,
Что, дав поддержку, ты — моя свобода,
А я — твоих событий череда.

Мне хорошо, что помыслы чисты,
И в этой дружбе без конца и края
Я никогда тебя не потеряю.
Мне хорошо, что есть на свете ты.

★★★

Ты слушаешь меня, и целый мир
Вдруг, затаив дыхание, отступил.
Не град идет за окнами, а снег:
Здесь слышит человека человек.

Не рёв ветров касается, а гул
На улице моих холодных скул,
Когда несу тебе свои слова.
Бываю ли когда-нибудь права?

Ты терпеливо слушаешь о том,
Надела ли перчатки и пальто,
Насколько сладким был сегодня чай,
И чем страшит декабрь или май.

Какого цвета нравятся коты,
И как добиться ёмкой простоты,
Когда сдаёшь в печать материал,
Кто в детстве чем болел, во что играл.

Ты слушаешь. Ты растворяешь страх
И боль в своих уверенных руках.
И гневный град уже — пушистый снег,
Когда души коснулся человек.

★★★

Грязная кожа улиц — скомканной чешуей.
Мама. Теперь сутулюсь. Мама. Идем домой.
Время бежит вприпрыжку, солнце в дырявом дне.
Время — совсем мальчишка. Сколько теперь мальчишек
На гробовом одре?

Маком огни пылают. Лето уходит вспять.
«Три-два-один», - считают, чтобы идти стрелять искать.
Вьется ужом граница, мордой — на крепкий щит.
В сводках прочтет столица: подвиг залит в гранит.

Врет подсудимый Авель. Ластится смертный грех.
«Майже війна», а — далі? Рвется струною нерв.
Шрамы славянских судеб — горьким стыдом отцов.
Мама, что дальше будет? Как мы разделим, люди,
Общие хлеб и кровь?

11 августа 2016

Небо грозу пророчит.
Небу нельзя помочь.
Чувства уходят ночью,
По-воровски — точь-в-точь.

Плюшевым одеялом
Я опрокину свет.
Мира в тебе мне мало,
Мира с тобой — мне нет.

Дышит за шторкой море,
Пеной ложится тюль.
Зову прибоя вторят
Сотни словесных пуль.

Чувства уходят ночью,
Грезы сдаются в плен.
Буду скучать. А, впрочем,
Зачем?

Полнолуние. Подоконник.
Я притихшая. Чуть дыша
За окном полыхает вторник
Под прицелом карандаша.

Занавеска летит как парус.
Рамы-мачты пустились в пляс.
Не корабль — простой «икарус»
Ноябрем поджидает нас.

В путь-дорогу умчалось лето.
Осень хламом застит кровать.
Мой холодный декабрь, где ты?
Без тебя невозможно спать.

В простыне из колючих листьев,
На подушке сырых дорог.
Ночь пройдет — опустеет пристань,
Рассмеется осенний бог.

От того, что не счесть царапин
Под софитами жгучих звезд.
Не «металл» — в голове Шаляпин,
Не кудряшки, а скромный хвост.

Подоконник. Рассохлись мачты.
Ночь холодная — чуть дыша
Мой декабрь блокнот запачкал
Отпечатком карандаша.

★★★

Растревоженная. Босая.
На январскую зыбь вышла:
Попросить у судьбы мая
И Победной весны. Слышу,

Как тревожно подул ветер.
Покачнулся. Упал в море.
Часто снятся теперь дети.
Своего назову Борей.

Растревоженная. Босая.
На январском снегу — в белом
Я церковной свечей таю
И душою, и всем телом.

Бегут по щекам минуты:
Беру до зимы билет.
Уходит ноябрь, как будто
Причины остаться нет.

На скользком сыром пороге
Замешкается чуть-чуть.
Кивну ненароком: «С Богом»,
Услышу в ответ: «Забудь».

Ты — на север, значит, мне — на юг.
Четками перебираю страны.
Глобус режут вдоль меридианы,
Полюсами замыкая круг.

Ты — на север, значит, мне — на юг.
Между нами льды и океаны.
Я — ребро — в тебе откликнусь раной,
Ты во мне оставишь сердца стук.

Ты — на север, значит, мне — на юг.
Ветер в голове и по карманам.
Мне всегда казалось очень странным
Быть вдали от самых нужных рук.

Я — на юге, значит, сделаю крюк,
Растерзав затянутые шрамы,
Ты вернешься — гордый и упрямый,
Зная: путь ко мне ведет на юг.

★ ★ ★

Назову тебя по имени
Полусрывом-полуголосом.
Обернись и заведи меня
С черной на другую полосу.

Ни о чем меня не спрашивай,
Стану тихой и пленительной.
Как обычно — ненакрашенной,
Непривычно нерешительной.

Пусть несчастья станут опытом,
А сомнения разрешимыми.
Полувздохом, полупшепотом
Назови меня по имени.

Псалтырь... Для некоторых это слово ничего не значит, но истинный христианин откликнется на его звучание.

Псалтырь... Настольная книга верующих. И в нашей семье она занимает далеко не последнее место.

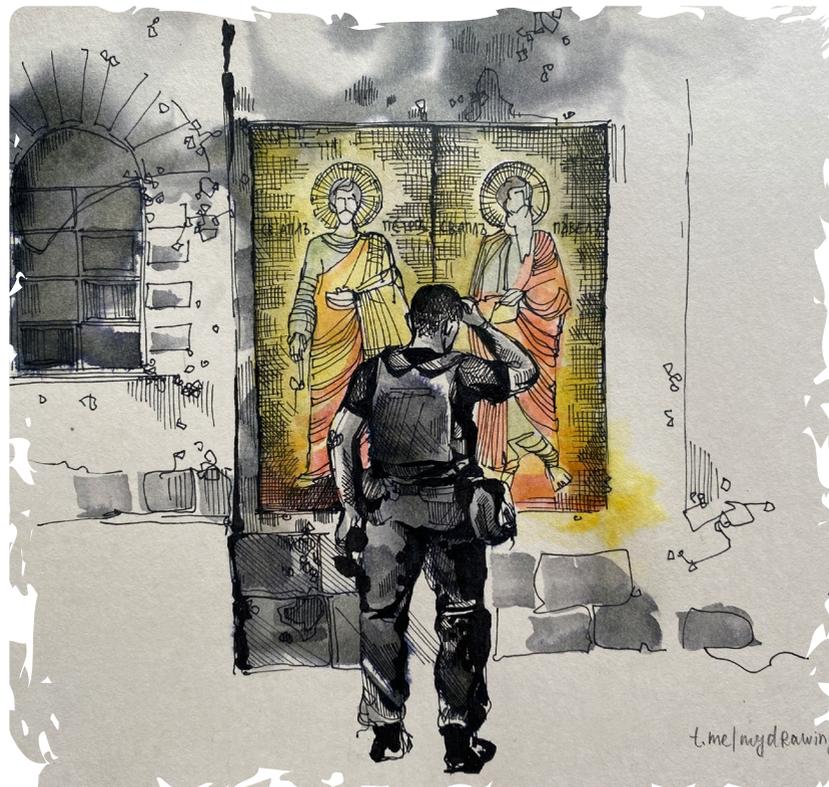
Однажды после посещения церкви дома заговорили о прапрабабушке, отличавшейся в нашем роду глубокой и непоколебимой верой. Тогда в мои руки впервые попала семейная реликвия. «Это Псалтырь бабушки Марины, это не наше», — предупредили меня так, словно прабабушка и сегодня пристально следила за судьбой пропавших воском и ладаном страниц. Но предупреждать было не нужно: такая книга не потерпит фамильярности. Это была старинная, не старая — нет (Псалтырь никогда не постареет), а именно старинная книга: с деревянной, когда-то коричневой, но уже очень обтертой обложкой.

Осторожно открываю. Переплета нет. Желтые, словно опаленные пламенем свечи, страницы резко пахнут воском, пылью и чем-то неуловимо далеким, родным. Осторожно, чтобы не потревожить уснувшие здесь тайны, перекалдываю один промасленный листик за другим. Понимаю, что книга написана непонятным мне языком, кириллицей, но это не мешает наслаждаться её спокойной аурой.

Откуда она в нашем доме? Через сколько заботливых христианских рук прошло это священное издание? И лишь на последней странице угадываются русские слова, бережно выведенные карандашом: «Сей Псалтырь принадлежит деревне Александровке. Крестьянинъ собственникъ Петръ Ивановъ». А ниже — аккуратный столбик фамилий, преемников Петра Иванова. Последняя — Титова, моя прапрабабушка, по линии которой наша семья и привезла Псалтырь в Крым, как духовную связь с Родиной.

Я понимаю, что у меня в руках часть православной истории российской деревушки, из которой пошли корни моего рода. Потому-то и тянет к этой Псалтыри, пусть не знаешь язык, сдавливает сердце, наворачиваются слезы, но не из-за резкого церковного запаха.

Представляю себе женщину, сидящую у свечи с этой книгой. Она в каждую страничку вложила всю свою жизнь, всю душу. И сила этой книги, способной защитить человека, целый дом и даже целый мир, — истинная вера в Бога.

★★★

Отче наш! Когда над миром вечер
Завершает день мирских тревог,
Я зажгу в твоей лампаде свечи,
Освещу небесный твой порог.

Отче наш! Пришла пора молитвы.
Прожит день. Ты строго не суди.
Да, не все простила я обиды.
За меня, мой Бог, меня прости.

Отче! Мой спаситель и заступник.
Крест нателный свято берегу.
Видишь ты земные все поступки.
Лишь с тобой я все всегда смогу.

Отче наш! Пошли мне силу духа,
Чтобы от ударов не упасть,
Чтоб к беде не стало сердце глухо,
Чтоб в душе царила благодать.

Я стою смиренно на коленях.
О родном поплачу, о своем.
По стене плывут бесшумно тени,
Только знаю, отче, мы вдвоем.

И шепчу тебе слова молитвы:
Отче наш! Еси на небеси...
В этом мире не оставь, прости нас.
В вечной жизни душу мне спаси.

Да святится, боже, твое имя!
Будет вечен царственный порог.
Пусть за нас посылно будет время.
В том и этом мире с нами Бог!

Я родом из Крыма.

И именно с нашего полуострова в 2014 году
началось возвращение земель русских на Родину.

«Вы слышите, люди, я родом из Крыма», — так с любовью и гордостью за свою Родину — громко, на всю планету, заявила в одном из своих стихотворений Маргарита Шитова.

Мне, как коренному крымчанину, поэту, достаточно много писавшему о Крыме и читавшему стихи других поэтов, касавшихся этой темы, ничего не остается, как — снять шляпу и поаплодировать: хорошо сказано, свежо, своевременно, патриотично. Думаю, свою первую книгу стихов Маргарита так и назовет: «Я родом из Крыма». А в том, что эта книга когда-нибудь состоится, я несколько не сомневаюсь.

Крымский поэт Валерий Субботенко,

14 июля 2005 г.

Я родом из Крыма. Здесь плещутся волны
И воздух солеными брызгами полон.
Здесь солнцем наполнены утро и вечер,
Здесь все обещает волшебные встречи.

Я родом из Крыма, где моря просторы,
Где к солнцу стремятся скалистые горы.
Здесь в каждом ущелье таятся легенды —
Истории нашей живые фрагменты.

Я родом из Крыма. Здесь вольные ветры.
Под солнцем палящим степей километры.
Здесь рядом античность и варваров стрелы
Уносят в мечтах нас в иные пределы.

Я родом из Крыма! Вы слышите, звезды?
Его сохранить нам пока что не поздно.
Осенние ливни, весны многотравье.
Любую песчинку, любое создание.

Чтоб вечно вокруг все дышало любовью.
Чтоб каждому было светло и привольно.
Чтоб эти слова не смолкали над миром:
Вы слышите, люди? Я родом из Крыма.

Стихотворение я написала еще до воссоединения Крыма с Россией. Полуостров был для нашей семьи «малой родиной», здесь появились на свет мои родители и я, тогда как корни моей семьи — во Владимире. Помню, как бабушка скучала по дому, часто вспоминала родные края, а мне с детства прививала любовь к русской культуре и традициям. В доме звучали народные песни, рассказы о травах и цветах средней полосы России, быте, деревянных избах с резными наличниками, березовых рощах. В красном углу ее комнаты всегда стояли иконы, украшенные не рушником, но цветастым платком с замысловатыми узорами. Рядом на полочке — главная книга в доме, Псалтырь прабабушки Марины, пропитанный острыми запахами, с деревянной обложкой и толстыми пожелтевшими листьями. Сейчас понимаю, что именно православные традиции, откровения славянской чистой души, любящей свою землю, семью, род, создавали в доме уют, поддерживать который предстоит сегодня мне.

Мои родные не дождались воссоединения Крыма с Россией, но для них этот день стал бы праздником.

Любимый Крым! Мой уголок земли!
Здесь суждено судьбою мне родиться.
Однако знаю: у моей семьи
Есть родина «березового ситца».

Да, где-то там Москва и Петроград,
И деревень российских бездорожье.
О них мои родные говорят,
И бабушка никак забыть не может.

А я в окно украдкой погляжу.
Увижу небо, след от самолета.
Куда летит? Я взглядом провожу.
И лишь вздохну: счастливого полета.

Нет, я о дальних странах не мечтаю.
Мне Крым — обетованная земля.
Ведь только здесь я сердцем постигаю,
О чем тоскует бабушка моя...

Небо пахнет персиком и мятой.
Впереди — осенняя гроза.
Ты укрылся облаком из ваты,
Жмуря, словно в юности, глаза.

Ощетинил ветви бурой шерсти,
Холку поднимая на дыбы.
Весь косматый, на боках — отвесный,
В лес готов сорваться, если бы

Намертво не впился мордой в море:
От грозы не спрячешься никак.
Снова под дождем дрожим с тобою,
Крымский мишка — старый Аю-Даг.

Крымская осень

Валерию Ильичу Субботенко

За окном заплакали дождемки.
Это осень постучала к нам.
И бегут прозрачные слезинки
По лицу оконного стекла.

Небо давит тяжестью свинцовой.
Сумерки заполнили дома.
А на ветке лист дрожит кленовый.
И клубится над рекой туман.

Ветер взвихрил мокрые узоры
В желто-красных линиях судьбы.
И они кружат, с судьбою споря,
И защиты просят у земли.

Неужели не найти спасенья?
Гибель и покой — таков ответ?
Но природа не спешит с решением.
Дождь упорно шелестит в листве.

Пробуй, молись, люби. Ты же знаешь, девочка,
Будут еще пути, перекрестки, дни.
Осень наводит черные ветки-стрелочки.
Вечер рисует город в свои огни.

Ветхую душу вскроют на реконструкции.
Сметой откроют новый отчетный год.
К жизни, увы, не пишет никто инструкции.
Жизнь не пропишешь сметах наперед.

Пробуй. Ошибки делают нас устойчивей.
Крымская осень взвояет опять дождем.
Карты судьбу нелегкую напорочили,
Что через годы вспомнится зыбким сном.

Только сейчас — молись и люби отчаянно
Эти продрогшей осени злые дни.
Грусть ноября лишь кажется нескончаемой.
Осени просто холодно без любви.

Мягко под веслами вьется вода.
Рябь беспокойна и зеленоглаза.
Лето, споткнувшись о кромку пруда,
Бросило август оборванной фразой.

Полосы света от меркнущих звёзд
Тают в слепых электрических пятнах.
Ветер нечаянный эхом разнёс
Уличный голос охрипшего барда.

Лодки ныряют в густую листву:
Ивы скрывают чужие секреты.
Город, притихший на старом пруду,
Нежно качает уставшее лето.

Таут мгновенья, за ними — года,
Вьются столетия калейдоскопом...
Но неизменно над гладью пруда
Тайны сердец бережет Симферополь.

Ты когда-то жал мне руку и со мной гулял под солнцем:
Под морским, уютным, крымским – обжигающе-родным.
Мы – мальчишка и девчонка, все у нас предельно просто:
Если нужно – дом построим, если скучно – убежим.

Мы с тобой, встречая вёсны, утопали в крымских чашах,
Мы тогда молились лесу и нетронутой тиши.
Мы делили теплый спальник. Правда, спорили все чаще.
Ты носил походный чайник, я с собой – карандаши.

Осень выдалась дождливой. Небо флаги затянули.
Красно-черный вой заката протянулся над страной.
Ты тогда, почуввав запах молодой кровавой бури,
С первым поездом умчался в сумасшедший хлебный бой.

Под корявой баррикадой из раскрошенной брусчатки
С шоколадками «от друга», с бутербродом за щекой
Ты в себе кормил фашиста, и в промасленных перчатках
Предавал родные дали, закусив позор халвой.

Ты с гвоздями шел на брата – на семью, на блики моря,
На раскидистую хвою у подножья теплых скал.
Ты считаешь, я забуду, как гонцом пуская горе,
Революция пыталась к нам прорваться на вокзал?

Как летели похоронки, словно в дальнем 45-м,
А за ними – гроб за гробом город «беркута» встречал?
Как с «майдана» возвращались наши крымские ребята
С лоскутами жженой кожи. Как Одессу жрал пожар?

Или я забуду Корсунь, где крымчане ели стекла
Под надзором самых «щирых», самых «правых» из людей?
И пока ты веселился на «майдановской попойке»,
В Крым цинично отправляли красно-черных палачей.

Ты считаешь, я забуду «москаляку на гилляку»,
«Режь и бей российских «тушек» и «титушек» заодно»?
Кровь и подлость не прощают. Не прощу и я. Однако
Мы предателей не любим, но на низость не идем.

Позабудь, что жал мне руку, и что мы с тобой знакомы:
Ты для ласкового Крыма стал отчаянно чужим.
По себе мы выбираем сердцу милые просторы.
Ты стоишь за грязь «майдана», я – за мирный русский Крым.

Звезды в землю вжаты, стонут,
Мерзнет пазухой роса.
У вселенной на ладони
Притаилась бирюза.

В чистом небе бьется утро
Словно крылья ранних птиц.
Не нужны нам здесь ни пудра,
Ни накрашенность ресниц.

Под ногами — километры,
Серебрит тропу роса.
Обестучено от ветра
Небо Крыма — бирюза.

От Чонгара до Ялты небо горит огнем,
Пишет волны горячей краской морской закат.
Эту раннюю осень встретим с тобой вдвоем
На холмах разожженных золотом крымских гряд.

Солнце щедро нальет на плечи густой загар.
Под походную майкой снова — белым-бело.
Ты расскажешь, что слишком долго меня искал,
Но знакомы с тобой как будто давным-давно.

От Чонгара до Ялты — сотни счастливых дней.
Миллионы удачных снимков, шальной экстрим.
Если веришь в мечту — упрямо иди за ней,
На пути от Чонгара до Ялты влюбляясь в Крым.

На пиках враждебных, нетронутых скал
Кружатся ветра, обещая свободу.
Подъемы и спуски, привал, перевал,
Свободу ищу, как страдающий — воду.

Впиваются тросы в девчачью ладонь,
Угрюмо сугробы скулят под ногами,
Уютный костер зазывает домой.
Свобода, всего пара снов между нами.

Хлопочут холодные крылья ветров,
Вонзается снег под замерзшую кожу.
А с ним, словно яд, проникает любовь,
Они со свободой как сестры похожи.

Взрывают эмоции скомканный пульс.
Я воли хочу, что голодные — хлеба.
К вершине карабкаюсь, лезу, тянусь,
И знаю — дорвусь до свободного неба.

Я открою тебя, беспокойное лето,
Как шипучего «пепси», глотну перемен.
Ты узнаешь меня по улыбке поэта
И по дерзкому платью чуть выше колен.

Ты ворвешься в наш пыльный, разохшийся город
Ароматом жасмина и хвойных лесов.
Вышиванку цветастую спрячешь под ворот
И за лацканы каменных старых домов,

Растеряешь по улицам жгучее солнце,
Угольками зажжешь симферопольский зной.
Беспокойного лета кудряшки и кольца,
А в мечтах — золотой, охлажденный прибор.

Я запомню тебя на просторах асфальта,
Утомленным жарой и гудками машин.
Пусть кого-то прельщают Сейшелы и Мальта,
Только адресом лета останется Крым.

★ ★ ★

Я согрею тебя рассветом,
Я наполню тебя мечтою.
Я промчусь предрассветным ветром,
Чтобы просто побыть с тобою.

Становясь одинокой птицей,
Пролечу над жемчужной гладью.
Воплощением любви зажжется
Мое сердце в твоих объятьях.

Буду каплей, одной песчинкой
Или едким раствором соли,
Чтобы чувствовать силу жизни,
Чтобы просто побыть с тобою.

Синь морская, моя стихия,
Лишь тебе я себя открою.
Ты — мое понимание мира,
Я — твоя. Полоса прибоя.

Хорошо быть тихоней. Варить облениховый чай.
Гладить кошек, вязать или шить одеяльца и шали.
Улыбаться — рассеянно, милых журить — невзначай,
Уходить от ответов, едва пожимая плечами.

Хорошо быть тихоней. Листочки считать на реке,
По весне одеваться в цветочные легкие платья.
Прижимать от смущенья ладошку к горячей щеке.
Косы — «в пояс» растить, вышивать — обязательно гладью.

Быть бесхитростно легкой, умеющей преданно ждать,
Свято верить в добро и любовь, ни на что не взирая.
Ни о чем не просить, и при этом — себя отдавать.
Хорошо быть тихоней. Но жалко, что я не такая.

А у нас уже поспели вишни,
Белый цвет сменился на бордо.
Из листвы упругой еле слышно,
Как щебечут птицы. И кругом

Травы пахнут, травы мир дурманят:
На жаре распаренные дни.
Знаешь, не слова пустые ранят,
А тупая бритва тишины.

Кислый сок растрескавшихся ягод
Заглушает сладость женских губ.
Обрывая вишен сочный яхонт,
Не пойму: ты люб мне иль не люб.

Потянулись заспанные ветры,
Раскружили терпкие сады.
Несмотря на сотни километров,
Слишком близко поселился ты.

Не по-крымски дождь стучит в окно.
Рвется в дом отчаянная стужа.
Во дворе распластанные лужи
Ловят рябью тени пышных крон.

Май, не зная силость декабря,
Леденит холодным ветром так же,
Как мечты смелее стать и старше
В юные сердца приходят зря.

Бьёт весна московская дождем,
Рассыпаясь леденящим смехом.
Так перестает быть человеком
Тот, кто отвечает миру злом.

Майский гром срывается на рык,
Эхо улиц — грязные раскаты.
Юные сердца не виноваты,
Что не спрятать душу в дождевик.

Мёрзнут руки. В поисках тепла
Люди жгут костры из старых писем
И по принципу случайных чисел
Греются о чьи-нибудь тела.

Здесь места под солнцем нарасхват
По цене достоинства и чести.
И уже не жжет нательный крестик.
И никто из нас не виноват.

Горел закат над пристанью, и ты
Дарил мне нелюбимые гвоздики.
И в феврале, как в мае, птичьих крики
Русалок вызывали из воды.

Мы ввысь бросали булки. Джем и мак
Пришлись по нраву истощенным птицам.
Я для тебя накрашила ресницы,
Ты для меня с собою взял пиджак.

Горел февраль над городом. Лишь он
Мог стать в Крыму теплее братца-марга.
Нас не узнала заспанная Ялта,
Гуляющих вдоль пристани вдвоем.

Мы не держались за руки. И бриз
Трепал мою разветренную юбку.
Наш вечер был похож на злую шутку.
Ты — не джек-пот и я, поверь, не приз.

Горел закат над пристанью, и я
Неслышно растворялась в птичьем крике.
Вечерней пеной алые гвоздики
Слетали на ладони февраля.

Горел закат...

★ ★ ★

Я сплету тебе сотню бус,
Мы откроем у моря лавку.
Будет лето, и под прилавком
По-шпионски замрет арбуз.

Море свяжет соленый плед —
Бахромой расплетутся волны.
Обязательно мне напомни
Недосаливать твой омлет.

Липкий сок разольет закат,
Разобьется прибой стаканом.
Ты починишь на кухне краны,
Заржавевшие год назад.

Пыльный город затопит зной,
К нам заглянет туристка-чайка,
Купит бусы, из Крыма майку.
Затрезвонит будильник. Мой.

Тишина полей, отголоски гор,
Спелый шепот трав, синева озёр.
За вьюнком костра — невесомый дым.
Мой счастливый край. Мой душистый Крым.

Спины черных волн. Дрожь осенних звёзд.
Гнётся до земли золотая гроздь.
Голубых вершин бьётся эхом пульс.
Пропаду в тебе, и в тебе найдусь.

Я в тебя гляжу синевой морей.
Ты в моем запястье — прожилка дней.
Мы с тобою — соль. От щеки до вен.
Мой раздольный край. Мой свободный плен.

Ревут водопады, сметая преграды
На сложном извилистом горном пути.
Свобода становится высшей наградой,
Которую только возможно найти.

Молочная кожа весенних оттенков
Пьянеет от солнечных спелых лучей.
На свет выбираясь из темных застенков,
Звенит и грохочет окрепший ручей.

Загар прилипает горстями веснушек,
Целует лопатки и проблески рук.
Кокетливо манит прохладой опушек
Горячий, распаренный травами Юг.

Встреча в пути вечера и рассветы,
Колючий мороз и полуденный зной,
Отбрось предрассудки, забудь про запреты:
Весь Крым обойди — путешествуй со мной!

Импровизированный очаг приманил полусферы палаток. Их горбы — словно цыганские кибитки, расставленные по кругу. Над камерным лагерем раскинулся еще один купол походного шатра — черничное небо, усыпанное крупными сахаринками звезд. От этой красоты становится сладко во рту — десерт к цветочному чаю, заваренному из всего, сорванного-собранного по пути, сдобренного щедрой пригоршней заварки и парочкой крепких словечек — кто-то плеснул кипятком себе на руку.

В походном котелке уже недовольно шипит смесь родниковой воды, горсти крупы, наспех нарезанных овощей, нескольких засохших ягод и веточек, брошенных в «суп» ради вкуса и интереса — практически шаманское зелье. Сонно, тепло, лениво. Из темноты, нетронутой отблесками костра, за путниками подглядывают цикады, самые смелые мошки вылетают на свет, падая на молочные с голубыми прожилками страницы блокнота — черные точки и запяты в еще никем не написанной истории. Янтарные языки костра тянутся к небу, обдавая жаром малый круг палаточного лагеря. Лица, обветренные и загоревшие за день, тоже пылают разгоряченными кострами. Горят щеки и уши — вспоминает кто-то «с большой земли», которой сейчас словно не существует. Есть только обжигающе-железная, зажатая рукавами растянутого свитера, кружка чая и затерянный уголок леса, выхваченный из ночи светом огня.

Этот простой на вкус мир наполнен шумом ветра, шепотом леса, свободой неба и хрипловатой песней гитары. Под уличные беспризорные аккорды босыми пятками пляшет костер, пламя развевается воланами испанских юбок. Жгучие пряди, алые розы и ритмы корриды сменяются грудным бархатным басом романса, расплавленного на углях засыпающего костра. Люди-коконы, до ушей закутанные в спальники, не спешат покидать согретый пламенем романтики вечер. Заставляет путников распознать по палаткам не позднее время, а лишь проникающая за пазуху сырость лесной ночи.

★ ★ ★

Недовольно, даже больно,
Горный ветер бьет в глаза,
Обжигает, словно солью,
Рвет из куртки паруса.

Дождь, на крик срываясь градом,
Будоражит крымский май,
Разлетелись звездопадом
Крошки света — подбирай.

«Вспышка слева, вспышка справа» —
Надрывает связки гром.
Глина липнет, как попало,
И скользит под сапогом.

Пусть мечты в горячем душе,
До костей пронзает дрожь.
Лишь в горах, «по уши в луже»,
Ощущаешь, что живешь.

Лишь в 16 планета — это
Шар, ворвавшийся в вихри звезд.
Он летит с быстротою света.
Нет, быстрее.
В нем сладость слез,

Ожидание счастья,
Эдельвейс, цветущий в снегу.
И тревожно стучащее сердце,
Ощутимое на бегу...

Золотая полоска рассвета,
Луч, скользнувший
по теплой руке.
Лишь в 16 звучит планета,
Всю любовь отдавая тебе.

Слышишь, как шепчут сухие травы?
Мягкая степь, одеяло звезд.
Учат сверчки до зари октавы,
Небо становится в полный рост.

Чувствуешь, дышит в затылок ветер,
Нежно касается жарких щек.
В этой Вселенной мы просто дети:
Каждый усвоит лишь свой урок.

Видишь: подернуты дымкой горы,
Тонким шифоном ползет туман.
Солнце глядит в облаков зазоры:
Каждый его распознает сам.

Хочешь услышать, как шепчут травы?
Или, вернее, узнать — о чем?
Дело за малым: покинь бульвары
И путешествуй со мной. Пойдем.

Который день на улице темно:
Ползут по небу грозовые тучи.
Твой голос мной до хрипоты изучен.
Мой мир тобой до трещин изменен.

Который месяц льют в Крыму дожди.
Косые струи выются серой тканью:
Так по плечам скользят воспоминанья
Моей недорассказанной любви.

Который год вокзал — водоворот:
Где по колена, где по пояс лужи.
Июньский город, как всегда, простужен:
Он переходит реки улиц вброд.

Который раз предательство измен
Гремит в сердцах не тише злого грома?
Который раз мне кажется знакомым
Вновь приходящий ветер перемен?

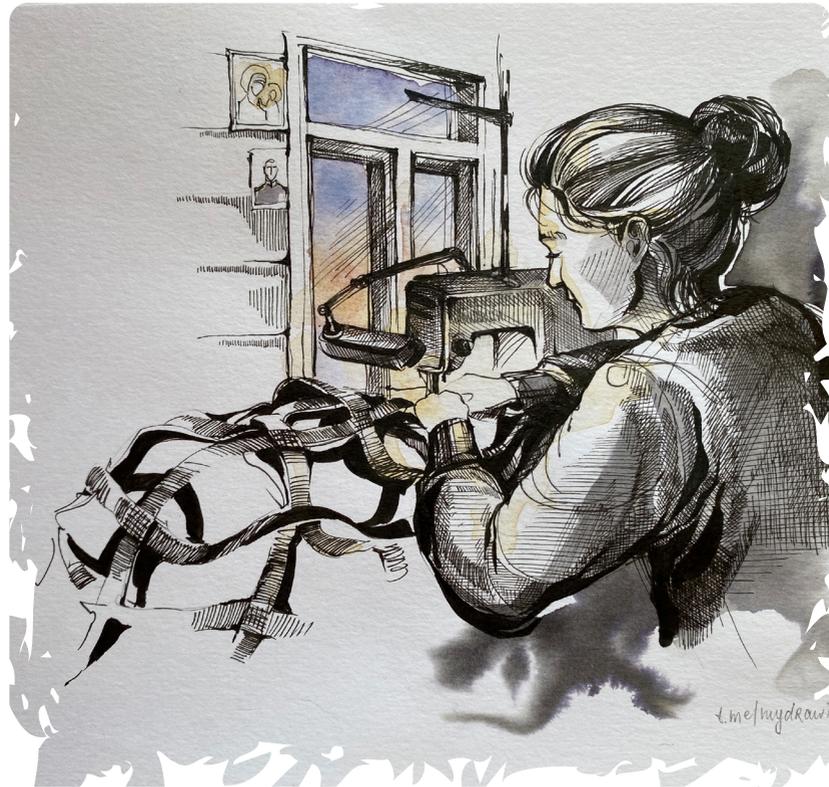
Вздывается вверх карусельная вьюга.
Снежинки летят из-под ног к небесам.
Коты замерзают, прижавшись друг к другу,
Свернувшись хвостами к холодным носам.

А я снегопадом гуляю без шапки,
И рыжие прядки летят невпопад.
В пакете кефир и куриные лапки,
А хочется кофе, икру, виноград.

Так хочется лета! Медового моря,
Скольженья улыбок по терпким губам.
Как хочется лето зажать на ладони,
Капризно прикрикнув: «Мое! Не отдам!»

И чувствовать гладкой разнеженной кожей
Касание спелых горячих лучей.
Зима, мы с тобою совсем не похожи —
От кончиков пальцев до темных ночей.

И лепят снежинки ресницы и челку,
Мороз не по-крымски скребется в груди.
Не знает зима — с рыжей гривой девчонку
Так просто сутробами не занести.

★ ★ ★

Не приходит весна в этот город разветренно-маленький,
Не ласкают лучи ожерелья тугих одуванчиков.
Я, как бабушка пела, надену когда-нибудь валенки
И упрячу в немодные варежки тонкие пальчики.

По разбитым дорогам уйду беспризорным романтиком:
Непонятым народу и им же, конечно, непонятым.
Солнце красит полотна заката малиновым батиком.
Значит, завтра опять в нашем городе ветрено-холодно.

Значит, миром скитаться наивно и даже — бессмысленно,
Облака все равно убегают в далекое прошлое.
И у каждого встречного — своеобразная истина,
И мечты набекрень обязательно чем-нибудь скошены.

Треснул лед под корабельным носом.
По Москве-реке ползут суда.
Под налетом пепельно-белесым
Не морская — мертвая вода.

Здесь диагноз — недостаток соли
И пьяняще-горьких крымских трав.
Может, счастья, но, скорее, — моря,
Тающего каплей на руках.

Зябкие, пропитанные смогом,
Люди слепо тычутся в уют.
Черный омут побеждает Бога.
Льды послушно по реке плывут —

Ледяная дьявольская вахта.
Души косит авитаминоз.
За тепло в размен пускают правду.
А в ответ Москва не любит слез.

У изумрудных подножий холмов,
Там, где живут виноградные тени,
Сонно коты упиваются ленью.
Мне не хватало вот этих котов.

Рыбные лодки рябят горизонт,
В тонких боках — обещанье улова.
Берег, пропитанный солью и пловом,
Каменным жаром их преданно ждет.

И, разливая полуденный зной
Сладким вином мимо звонких бокалов,
Липкое солнце ласкает причалы,
Голые плечи и синий прибой.

Жар замедляет движение дней,
Лето берет в этом пекле начало,
По берегам расточая елей...
Крым, я скучала.

Прозрачный снег над городом искрится,
Над морем птиц стремителен полет.
Кричу в сердцах над гордою столицей:
Пусть будет чистым наступивший год!

Как белый лист, как первая тетрадка,
Не знавшая терзаний «Букваря».
Я в свежий год ныряю без оглядки,
Забыв про черно-белые моря.

Кружится снег над гордою столицей,
Прозрачной коркой скована земля.
Я прожила театр абсурда в лицах,
Я прожила, пережила. Смогла?

От белого – до черного волненья,
От белых – до прозрачных синих волн.
Прошла огонь и лед (нашла ль терпенье?),
Пусть понесла сознательный урон.

Кружится снег, но так снежинок мало,
Что каждая по ценности – алмаз.
Я стала смелой, я красивой стала,
Упав – поднявшись сотни тысяч раз.

Кружится снег. Кружатся в небе птицы,
Январский шторм вгрызается волной
В мои заледеневшие ресницы,
В замерзший берег, в мой земной покой.

От белого – до черного, не ближе,
Раскинулась снежинками зима.
Прозрачный снег лежит-дрожит. Пристыжен.
Подруга-вьюга нежность замела.

Прозрачный снег над городом искрится,
А в сердце крепнет коркой синий лед.
И что ни предначертано случиться:
Пусть будет светлым наступивший год!

★ ★ ★

Наш край родной, весь соткан ты из песен!
Они звучат на разных языках,
Но для меня милее нет на свете
Великого, русского стиха.

В нем отзвуки былой военной славы
И обещања будущих побед,
И сказочный, из детства, змей трехглавый.
Я знаю — этих слов дороже нет.

Родной язык, надежда и опора,
Краса и гордость Родины моей,
И пусть сейчас вокруг так много сора,
Мы сохраним культуру прежних дней.

Из века в век чтоб юная Татьяна
Вновь обдряла девичьи сердца.
«Я влюблена», — в письма она писала,
«Люблю тебя», — ей вторим без конца.

И чтоб с Наташею Ростовою вместе
Мы с трепетом встречали свой рассвет,
А нашим мальчикам в дороге чести
Давал Болконский каждый раз совет.

Я вновь открою томика страницы,
И вновь впитаю строки — как бальзам.
Я русская. Так повезло родиться,
И я родное слово не предаю.

